

Зарубежная литература

УДК 821.134.2

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-2-122-134

И.В. Ершова

«История Испании» Альфонса X Мудрого и начало формирования испанской прозы (к постановке проблемы)

В данной статье «История Испании» Альфонса X (XIII в.) рассматривается как текст, стоящий у истоков процесса становления художественной прозы в Испании. При этом речь идет о языке прозы как наборе повествовательных приемов, способе организации сюжетного материала, способов переложения латинских источников с целью создания в каждом конкретном случае занимательного и завершенного рассказа. В качестве примеров рассмотрены история Геркулеса и рассказ о взятии Нумансии, подвергнутые в хронике Альфонсо последовательной эпизации и представленные в виде самостоятельного героического повествования.

Ключевые слова: средневековая историография, Альфонсо X, сюжетосложение, формирование прозы, Геркулес, Нумансия.

XIII–XIV вв. в европейской культуре – это эпоха формирования прозы¹ – правовой, религиозной, дидактической, исторической и художественной – на национальных языках². Особенности прозаического дискурса и его цели в испанской словесности начинают постепенно оформляться в первой половине XIII века. Тогда же складывается система средневековых (латинских и кастильских) обозначений для прозаической речи (*prosa, rythmus, cursus, prosa ritmica, curso rimado, leyenda suelta, hablar comunal*) и вырабатываются механизмы переноса формально-риторических приемов и методов латинской прозы на «народный» язык. Главной сферой формирования навыков построения прозаической речи становится переводная литература, которая в межнациональном пространстве средневековой Испании играет особую культуртрегерскую и объединяющую роль: «переводная литература» стала одновременно способом урегулирования культурной многослой-

ности Пиренейского полуострова в IX–XII вв. и посредником между миром востока и христианской словесностью. Перевод греческих, арабских и древнееврейских книг (сочинения Авиценны, Аверроэса, Аристотеля, Платона, Евклида, Птолемея, Галена, Гиппократы, аль-Хваризми, Ибн Рушда и многих иных ученых и философов древнего Запада и Востока был начат в знаменитой «школе переводчиков» в Толедо (год основания – 1130)³, и ее величайшие деятели (Раймундо Толедский, Доминго Гундисальво, Хуан Испанский) выработали особый переводческий метод, включающий в процесс рождения латинского текста три (арабский-кастильский-латинский), а то и четыре языка (арабский-еврейский-кастильский-латинский). При этом надо учитывать, что записывался только финальный текст, все же промежуточные этапы проходили в устной форме, что, однако, в немалой степени способствовало развитию основного языка-посредника – кастильского. Переводная и компиляторская деятельность была продолжена в скрипториях Альфонсо Мудрого и Санчо IV, сыграв ключевую роль в истории формирования испанской прозы.

Заметим, что процесс становления прозы в Испании (как, впрочем, и в других европейских литературах) начинается тогда, когда романскую речь при преобразовании в язык письменной культуры, подобно речи на латыни, стали кодифицировать, «преобразуя в формальный дискурс» («*convierte en discurso formal*»⁴) с помощью всех тех риторических приемов, которые излагали многочисленные предписания по *ars dictandi*, *ars poetriae*, *ars praedicandi*. Подобные сочинения в изобилии стали появляться на рубеже XII–XIII вв. (Иоанн Гарландский, Матвей Вандомский, Иоанн Солсберийский и др.). Именно этот процесс преобразования кастильского в основной письменный язык королевского скриптория и происходит во время правления Альфонсо Мудрого, в частности, в двух начатых им историографических сочинениях («История Испании» (*Estoria de España*, 1272), «Великая и всеобщая история» (*Estoria grande e general*, 1284)).

Изучение исторических хроник Альфонсо X с точки зрения истории развития испанской прозы включает в себя несколько основных моментов. Это, в первую очередь, особая роль кастильского языка (*castellano*, *romance*) в культурном проекте Альфонсо Мудрого; это цели и задачи, которые ставили перед собой компиляторы и редакторы хроник, а также сам король при создании исторического текста (здесь имеет значение возможность реконструкции его концепции хроник), а соответственно этим задачам – работа с источниками (их состав, отбор, перевод, переложение и трансформация), которые складывают повествование в средневековой

хронике, а также оказывают воздействие на последующую традицию – как формальное (влияние на последующую прозаическую литературу), так и идеологическое (изменение состава жанровой системы испанской прозы XIV–XV вв.).

Давно отмечено, что культурная политика Альфонсо Мудрого была процессом глубоко продуманным и целенаправленным. В посвященной этой теме монографии Маркеса Вильянуэвы («El concepto cultural alfonsí») подчеркивается, что культурный проект испанского короля, «не имеющий параллелей в христианском мире» Запада, оказывается важен не столько суммированием предыдущего опыта, но своей устремленностью в будущее. «Концепция культуры» Альфонсо, по мнению исследователя, опирается на идею последовательной секуляризации знания, заимствованной им у уже упомянутой Толедской школы переводчиков, цель существования которой заключалась в передаче христианскому западу арабских книг, средоточия самого передового научного знания той эпохи (особую роль в этом процессе играли евреи-переводчики, переводившие на латынь арабские ученые труды). Описывая взаимодействие трех языков и культур в эпоху Альфонса X, ставшее основой его культурной политики, Маркес Вильянуэва использует термин «mudejarismo», понимая под ним обширный процесс культурной гибридизации, взаимного окультуривания, где элементы западноевропейского мира смешиваются с элементами мира восточного, определяя тем самым особый характер развития мысли, литературы, институций, политики. Так что достижения альфонсовской эпохи представляют собой не просто естественный результат средневекового «возрождения» XII века, не имевшего столь яркой выраженности на Пиренеях в силу ее особых обстоятельств, и не следствие «национальной мечты» в ее современной трактовке, а результат осмысленной и продуманной политики конкретного человека, его ясного и основательного видения происходящего, внимательного и тщательного анализа реального положения дел. Политика эта опередила, по мнению многих, свое время лет на сто и была не вполне понята даже ближайшими потомками испанского короля (в частности его сыном Санчо IV).

Стремление Альфонса X к обновлению носило всеобщий и политически мотивированный характер; его культурная концепция была не абстрактным идеальным горизонтом, к которому надлежало стремиться, а целью осознанной и прагматической. Для Альфонса власть и культура суть понятия синонимичные. Осознающий свою ответственность перед народом и свою культурную миссию, монарх превратил ее в политическую стратегию, став не только монархом, но и учителем для всего общества. Его понятие

«тела народа», выведенное за пределы традиционного средневекового членения, отсылает ко всему обществу в целом, к каждому отдельному человеку (*omne qualesquien*), утверждая, вслед за Аристотелем, столь почитаемым испанским монархом, естественное право народа на осознание своей «природы». Культурно-просветительская программа Альфонса Мудрого обращена к среднему человеку, и взгляд этот в значительной мере был заимствован монархом из тогдашней арабской культуры⁵.

Обращаясь к «среднему» человеку, Альфонс осознанно выбирает и «средний» язык, понятный всем и каждому. Из трех доступных языков – латынь (язык церкви и документа), арабский (язык литературы и мудрости) и кастильский (язык бытового общения) – он выбирает последний как всеобщий для всех народов, населяющих его земли, и свободный от закрепленных за ним устойчивых функций. Именно кастильскому языку предстояло стать ключевым элементом интеллектуальной реформы Альфонсо Мудрого. При этом, если само преобладание кастильского в качестве разговорного это процесс естественный и спонтанный, то желание Альфонсо вытеснить им латинский как язык прозы – осознанный. В XIII в. только в Кастилии народный язык полноценно вторгся в область права и государственных бумаг, чтобы, вытесняя и заменяя латынь, секуляризировать тем самым культурное поле, сделать кастильский в первую очередь языком светского знания. В ситуации трехгlossии выбор кастильского, с одной стороны, подчеркивал западную ориентацию Испании, а с другой – свидетельствовал о выборе особого пути, открывая дорогу для арабской мысли и знания⁶. Выбор кастильского определял и новые задачи: создание языка истории, права, науки и политики. Для поэзии готовый язык уже существовал (галисийско-португальский), король сам сочинял на нем песнопения в честь Девы Марии и песни «хулы и насмешки»; при этом интересно, что обожавший поэзию и музыку Альфонс не особенно заботился о развитии поэзии и всего того, что можно обозначить как «вымышленное повествование» (*ficción narrativa*). Альфонсу язык нужен для других целей и для другого рода словесности – научной, исторической и правовой прозы, то есть всего того, что должно выполнить главную цель монарха-просветителя – учить и образовывать свой народ.

Исторические труды Альфонсо Мудрого – «История Испании» и «Всеобщая история» – создававшиеся вначале последовательно, а затем одновременно в двух королевских мастерских-скрипториях, даже в том усеченном виде, в котором они дошли до нас (это результат сохранности королевских копий, разных стадий складывания текстов, и, наконец, весьма сложная современная история

изданий той и другой хроники⁷), тем не менее позволяют достаточно исчерпывающе представить историографический замысел короля и способы работы королевских компиляторов в работе над двумя историями. Принятая в современной историографии точка зрения на состав и принадлежность скрипторию Альфонсо X изучаемой нами «Истории Испании» коротко выглядит следующим образом: изданная Р. Менендесом Пидалем в 1906 г. «Первая всеобщая хроника» (*Primera Crónica general*) объединила рукопись первого тома, созданного при жизни Альфонсо X и датированного 1272 г. (так называемая *Versión primitiva*, Escorial, Ms.Y.1.2), и второго, который исследователь датировал также альфонсовою эпохой. Однако впоследствии внук Менендеса Пидала филолог-медиевист Д. Каталан доказал, что второй том является компиляцией нескольких хроник, собранных в правление Альфонсо XI в первой половине XIV в.⁸ Работы И. Фернандес-Ордоньес привели ученых к убеждению в том, что собственно альфонсов текст (т.е. текст, написанный во время его правления и с ведома короля) заканчивается на 616 капитуле (616. О кресте, сотворенном ангелами для короля дона Альфонсо, (PCG, cap. 616)), причем лингвистический и содержательный анализ помогает уточнить даже строку и конкретное место, где меняется рука автора-редактора текста, а следующие тетради вообще не имеют отношения к эпохе Альфонсо X и даже к скрипторию его сына Санчо IV, отчасти продолжившему историографическую деятельность отца. А это означает, что реконструировать цели и задачи, а также нарративный характер исторических трудов Альфонсо Мудрого мы можем, для точности научной верификации, на том материале (весьма обширном и значимом) «Истории Испании», который включает достоверно сохранившийся фрагмент от пролога и библейских времен до правления короля Альфонсо II.

Прийти к выводам такого рода не в последнюю очередь позволил именно анализ прозаического языка «Истории Испании» и ее нарративной структуры. Оставив в стороне исторические аспекты, стоит обратить внимание именно на литературную составляющую хроники, для начала оговорив, что средневековые «истории» с полным правом входят в состав средневековой словесности и даже точнее – литературы, хотя бы уже тем материалом, который они включают в свое повествование и который при всем историческом правдоподобии и легендарной функции является, несомненно вымышленным и в дальнейшем востребованным именно литературой «*ficción*» – поэзией и прозой, рыцарским романом, драматургией, новеллистикой и пр. Далеко от современного понимания исторической точности и состав источников средневековых хроник,

ставящий в один ряд по степени надежности и достоверности для средневекового читателя, скажем, художественную латинскую поэзию и исторические труды. Состав источников хроник Альфонсо Мудрого необычайно велик: прежде всего Библия, затем историографические античные и средневековые сочинения (Павел Орозий, Павел Пиакон, Евсевий, Иероним, Иордан, Исидор Севильский, Гальфрид Монмутский, «Туйская хроника», «Толедская хроника» и т. д.), литературные сочинения античности (Овидий, Вергилий, Лукан, Стаций), наконец, эпико-легендарные сюжеты, дошедшие в староиспанских «песнях о деяниях» или в хроникальных переложениях (о графе Фернан Гонсалесе, о Бернардо дель Карпью, о Сиде Кампеадоре, об инфантах Лара). Все эти источники не просто отобраны, трансформированы, переплетены друг с другом, но именно они в значительной мере повлияли на формирование повествовательной техники хроник Альфонсо X и на процесс формирования кастильской прозы в целом. Если основным способом ввода историко-легендарного материала в европейскую словесность станет появление рифмованных хроник на национальном языке (их источник – латинские истории и хроники), давших материал рыцарского роману, то в Испании процесс будет обратным – стихотворные хроники и рифмованные поэмы будут перелagаться внутри историографических сочинений прозаическим языком.

Стоит оговорить, что внутри средневековья дихотомия *fabla/historia* была сформулирована вполне отчетливо; ее базовое различие утверждает в своих «Этимологиях» Исидор Севильский и продолжает почти каждый пролог средневекового текста. Да и внутри самих текстов находится немало уточнений для различения двух типов повествования. Так или иначе, истории и хроники стремятся вобрать в себя все то, что подходит под значение «история, правда», тщательно, хотя и не всегда убедительно, отбрасывая все то, что грешит против возможной достоверности. Тем самым в понятие «правдивого» включается все, что освящено авторитетом 1) древности (хотя в этом случае предполагается некоторый отбор по материалу и способ его интерпретации); 2) включением в состав предыдущих историографических сочинений; 3) привязкой материала к историческим событиям; например, включение в хронику крестовых походов (*Gran conquista de Ultramar*) истории Рыцаря с Лебедем как части генеалогии Готфрида Бульонского; сюжеты староиспанских и старофранцузских «песен о деяниях» и легендарных романсов, рассказывающих об исторических (на самом деле преимущественно псевдоисторических) событиях.

Для вымысла – *fabla (fabiella)* – то есть того, что «говорят, поговаривают, рассказывают» важно то, как строится рассказанное

(нарративная структура), что рассказ измыслен (*inventio*), что он предназначен для увеселения слушающего и рассчитан на устное исполнение (рецептивный аспект), а потому он чаще всего предстает в форме поэтической украшенной речи. Не последнюю роль играет необходимость толкования смысла (главное средство – аллегория)⁹. Такого рода формальным признакам отвечает, скажем, староиспанская «Книга Благой любви». Все относящееся к *historia* должно быть устроено и изложено иначе (при этом необходимо учитывать, что историография в Испании вплоть до первой трети XIII в. существует на латинском языке, а потому многие оговариваемые свойства «историй», «хроник», «анналов» сформулированы прежде всего по отношению к латинской историографии): речь проста и безыскусна (она не знает «счета и метра»); изложение событий не требует искусности в организации повествования; смысл не нуждается в дополнительном толковании и приукрашенности (буквальный смысл рассказываемого); рассказ преимущественно рассчитан на чтение и хранение.

«История Испании» Альфонсо Мудрого начинается обширным Прологом; все оговоренные в Прологе цели весьма традиционные для сочинения исторического характера: сохранить память о прошлом; оставить в памяти самое важное и значительное; передать следующим поколениям самого разного рода сведения (научные и исторические); дать примеры благих и дурных дел; извлечь уроки на будущее; выявить ошибки и учиться на их примере. Мы не найдем там указаний на сугубо литературные цели – развлекать и услаждать, однако совершенно очевидно, что задача заинтересовать и сделать рассказ увлекательным и полным, несомненно, присутствует у составителей Истории. История предназначалась для устного исполнения, а потому ее нарративная составляющая

Цель хронистов в мастерской Альфонсо X заключалась в том, чтобы создать текст интересный, насыщенный не только политическими реалиями и идеями, но и содержательно, и эстетически. Ее источники – тексты, закрепленные в традиции, наиболее авторитетные из них, т.е. те, по которым учатся и которым подражают, а потому рассказ должен быть увлекателен, поскольку рассчитан не только на письменную фиксацию предания, но в значительной мере на устное исполнение современникам, по крайней мере его изначальная, альфонсова часть. Следы перформативной техники видны практически в каждом капитуле, когда авторы истории, связывая между собой разные части рассказа, напоминают: «как вы о том слышали» и «что предстоит услышать далее».

Литературные цели хронистов обозначены не эксплицитно, но отражаются в принципе отбора сюжетного материала; в том,

как обрабатывается соответствующий источник; что служит этим источником при передаче известных, исторических или легендарных, сюжетов.

Так, скажем, формируемый исторический дискурс должен быть достаточно строгим и объективным, отстраненным по времени от событий прошлого, где всякое может случаться, и задача хрониста в том, чтобы поведать о событии прошлого по возможности отстраненно и исчерпывающе. Отстраненность проявляется не в оценке и интерпретации (она-то как раз почти всегда определена и недвусмысленна), а в отсутствии избыточной описательности и эмоциональной окрашенности, свойственной, например, латинской поэтической речи или старой античной традиции исторической и околоисторической прозы, а также следующим этой модели, например, латинским историям Павла Орозия или Родриго Хименеса де Рада, архиепископа Толедского.

В качестве примера можно упомянуть один из великих последствий национальных сюжетов Испании – рассказ о взятии Нумансии (самой известной является трагедия Сервантеса). Его источниками являются «История против язычников» Павла Орозия (кн.5), где этот эпизод дан весьма патетично, и который в свою очередь взят, по-видимому, у Луция Аннея Флора в его «Эпитамах Тита Ливия» (Flor. I.34.9–10), возможно тоже использовавшийся в «Истории Испании». Для испанских хронистов XIII в. противостояние Рима и Нумансии (у Альфонса она выступает под названием Самора (PCG, cap.47)) – отдаленное событие легендарного прошлого, при этом, с одной стороны, у редакторов и переводчиков есть осознание целей исторического повествования – поведать максимально отстраненно о событиях прошлого, а с другой стороны – традиция сдержанного и фактографического описания прошлого на кастильском лучше всего представлена в испанском устном эпосе.

История Нумансии (Саморы) в испанской хронике становится законченным и повествовательно цельным рассказом. В нем три основных темы – стойкость и мужество саморцев, возможность победить римское войско, воля и хитрость Сципиона. Уже у Орозия (Oros. V, 3–17) были убраны подробности, которыми изобиловало описание о разрушении Нуманции у Флора и Аппиана Александрийского («Римские войны. Иберийско-римские войны», Hisp., 97–98): в рассказе про саморцев исчезли указания на слабости саморцев, их неоднократное отступление, изначально большие запасы продовольствия, жестокое убийство своих послов, которые не добились договора с римлянами, подрезание подпруг женами нумантинцев, чтобы никто не мог сбежать; в отношении римского

войска исчезают указания на наемный характер войска, раздоры и отчаяние, царившие в рядах римлян, жестокость Сципиона к своим, чрезмерно долгий срок осады, усталость войска: в отношении Сципиона – его жестокость, стремление избегать битв. Многие из этого ушло уже в описании Орозия, но он сохраняет численность войск римлян (40 000), время осады – 14 лет, подробности местности, строительства осадных сооружений, описание горячительного напитка, который возбудил защитников города на битву.

Следуя ближе к рассказу Орозия, испанские хронисты изменили многое, а оставшимся деталям зачастую придали иной смысл. Почти все акценты в рассказе об этом событии в «Истории Испании» оказываются смещены – дидактический эпизод Флора или патетическое описание маленькой, но стойкой Нуманции, противостоящей 14 лет осаждающему ее Риму, у Орозия становится героическим рассказом из славного прошлого испанцев. В «Истории Испании» героизация осуществлена последовательно и осмысленно, при этом вся избыточная патетика и противоречивость в характеристиках обеих сторон, наличествующая у Орозия, намеренно убрана: мужественны и отчаянны саморцы (нумантинцы); коварен, умен и талантлив полководец Сципион, а римская армия, если и отступает, то из-за мощи и пыла осажденных, что только повышает цену доблести саморцев. Очень стройно и последовательно изложены причины голода – долгая осада, ров, насыпь и ограждение, построенные войском Сципиона, а главное – придумана хитроумная причина изначально бедственного положения саморцев (что заведомо предрекает их гибель): Сципион подгадал нападение на город к моменту сбора урожая, и запертые внутри жители не смогли убрать поля. Мужественные и готовые к битве саморцы предлагают честные и понятные условия либо сдачи, либо битвы, подробно растолкованные (Орозий их не конкретизирует), но Сципион, почувствовав возможность победы, доводит осаду до победы. Выпитый согревающий от голода напиток придает саморцам (убран рецепт его изготовления, данный Орозием), обреченным на гибель, силы для последней вылазки, давая возможность многим пасть в бою. Заметим, что тот же напиток (в добавлении к погребальному сырому мясу) у Флора выглядит проявлением дикости и иступленности нумантинцев, а Орозий дает рецепт горячительного и пьянящего напитка, больше подчеркивая экзотичность его для римлян, а не причины выпивания. У Альфонсо целия согревает оголодавших саморцев, чтобы дать им силы для последнего боя. В «Истории Испании» самоубийство жителей и самосожжение города это не только акт безысходности, а целенаправленное решение, знаменующее героическую стойкость жителей

Саморы (Нумансии). Рассказ приобретает отчетливый литературный характер, а само повествование связность, мотивацию и завершенность эпического деяния.

Вместе с тем, при переводе-переложении как этой истории, так и всякой другой убраны все вставки – пословицы, поговорки, латинские стихотворные цитаты из античных авторов, чем не только усиливается хроникально-описательный характер повествования, отодвигающий речь историка от речи поэта, но и поддерживается стилистическое единообразие прозаического текста, а также выявляется стремление разнообразить и обогатить прозаическую речь не поэтическими метафорами и сравнениями, т.е. сугубо стилистически, а прежде всего сюжетно-нарративными элементами: привлечь как можно больше источников, разнообразить повествование включениями легендарного, эпического, литературного и фольклорного материала. О важности события скорее говорит не манера и стиль описания, но пространность, логичность и выстроенность рассказа, его сюжетная продуманность и привлечение дополнительных деталей и сведений.

Скажем, примером такого сцепления разнородных источников в связный, продуманный и обширный рассказ может быть история Геркулеса. Статус Геркулеса как одного из основателей Испании и прародителя ее первого королевского рода начал оформляться в латинской хронике Родриго Хименеса де Рада, архиепископа Толедского «О делах испанских» (*De Rebus Hispaniae*, Rodrigo Jiménez de Rada, 1243). В обширной хронике-компиляции, каковой является «История Испании» история Геркулеса (PCG, сар. 4–8), с одной стороны, представлена как фрагмент единого целого, связующий легендарную историю заселения полуострова и историю возникновения государственности в Испании с последующими совершенно достоверными событиями, эпохами и правлениями. С другой стороны, следуя идеям Альфонсо X о том, что рассказ должен быть не только полезным, но и увлекательным, история Геркулеса, героя и предводителя народов, изложена с множеством любопытных деталей и подробностей¹⁰. При этом, даже несмотря на беглое упоминание событий и мест, не имеющих прямого отношения к испанскому походу Геркулеса, биография греческого героя в истории обретает целостный и законченный вид. В хронике к рассказу Родриго Хименеса де Рада добавлены история рождения Геркулеса, рассказ о кознях врагов как причине странствий героя, упомянуты все основные места его походов – Троя, Рим, Гесперия, Гибралтар, Галисия, перечислены основанные им в походах города, его смерть, центральная часть, как и в латинской хронике, отдана двум главным противостояниям и поединкам – с Герционом

и Каком (той его частью, что происходит в Испании)¹¹. Правда Геркулес в них выступает не как захватчик, а как освободитель.

К биографии героя добавлен зачин о трех Геркулесах (что само по себе не новость, трех Гераклов называет Диодор Сицилийского, шестерых – Цицерон, а максимальное число появится у Варрона – 24). Согласно версии Альфонсо Х, древние волхвы предсказали, что однажды родится великий герой; зная об этом, люди, ожидая его, всякий раз думали, что родился именно тот герой, потому и давали одно и то же имя нескольким персонажам. Главная цель введения трех Геркулесов (два ошибочны, и только последний оказывается тем самым) – предсказание о рождении великого героя. Истоки рассказа о предвидении рождения Геркулеса древними мудрецами неизвестен. Возможно, таким образом, оказалось переосмыслено известное предсказание будущей судьбы героя Тиресием, однако, скорее всего, предсказание рождения Геркулеса древними волхвами-астрологами и ожидания его сформировано по библейскому образцу. Сама же генеалогия трех Геркулесов – плод смешения разных источников (один из главных – «Таблицы» Евсевия/Иеронима). Хроника, таким образом, воссоздавая эпический образ Геркулеса, дополняет его особым статусом в свете будущей истории Испании: легендарный предок Испании предопределяет будущую славу страны, что подтверждается и избранной хронистами этимологией его имени: «... и каждый из первых двух Геркулесов, так как мог быть тем самым человеком, получали это имя, которое происходит из греческого и составлено из двух частей: из *her* и из *cleos*, что означает «прославленный воин» или «славный силой и боем»¹². Эпичность в значительной мере подтверждается мотивацией поступков Геркулеса: ссора с Эврисфеем, его господином, укладывающийся в традиционный зачинный мотив ссоры героя и властителя; ненависть царицы Юоны; молва о силе врага и причиняемых им бедствиях, побуждающая героя к действию. Таким образом, рассказ о Геркулесе может рассматриваться как аналог законченного эпического повествования о герое-воине, создавший, в определенном смысле, модель и механизм адаптации такого рода повествований внутри исторических сводов Альфонсо Мудрого. Хронисты повествуют о славном эпическом герое, где каждый элемент сюжета осознанно и целенаправленно работает на героическую биографию. Испанский Геркулес становится первым среди так называемых *figura ejemplar* в испанской хронике, наряду с Цезарем, Сидом, графом Фернаном Гонсалесом и прочими. В значительной мере, именно благодаря таким сюжетам хроники Альфонсо обретают основополагающую роль в истории создания повествовательного языка испанской прозы.

Появление испаноязычных историй Альфонсо X по сути изменило жанровую картину испанского средневековья, где основным повествовательным жанром и источником повествовательных сюжетов вплоть до XVI в. будут оставаться хроники и истории. В Испании именно историография станет вмещилищем всякого рода повествовательной литературы, включая сюжеты рыцарских романов. После появления «Историй» Альфонсо Мудрого начнет окончательно оформляться жанровый спектр средневековой кастильской прозы: хроники и истории, книги о рыцарях, назидательные и дидактические сочинения, книги примеров, сентенций, изречений, трактаты. И траектория его развития во многом будет определена во многом «Историей Испании». Это касается и постоянного обращения к национальным эпическим сюжетам; и приоритета исторических сочинений над рыцарскими романами, по крайней мере, до конца XV века; и влияние на рождение специфических испанских жанров, таких как, например, сентиментальная повесть (ее жанровым праобразом будет переписка Энея и Дидоны в «Истории Испании», взятая из «Героид» Овидия¹³); и общего уклона испанской прозы Средних веков и Возрождения в легендарно-исторический характер, а также меньшей доли фантастическо-сверхъестественного даже в жанрах сугубо вымышленных. Более того, готовый язык прозы, благодаря Альфонсо Мудрому, определит преимущественную прозаическую форму как средневековых (первый автохтонный роман – «Книга о Рыцаре Сифаре», 1300), так и возрожденческих испанских рыцарских романов¹⁴.

Примечания

¹ О формировании языка прозы в старофранцузской литературе см.: *Евдокимова Л.В.* У истоков французской прозы. М.: Наследие, 1997.

² Важнейшую роль в этом процессе сыграло становление и развитие университетской системы образования; во исполнении идей Латеранского собора 1215 г. университетам надлежало уделить приоритетное внимание к преподаванию грамматики и риторики латинского языка и выработать механизмы изложения церковных, в первую очередь, догм и установлений на народные языки, в частности, на «романский» (romance), как именовали в средневековых текстах кастильский.

³ Сейчас в испанистике активно обсуждается вопрос о целостности и правомочности понятия «толедская школа переводчиков».

⁴ *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana, I. Madrid: Cátedra. 2007. С. 20

⁵ См.: *Márquez Villanueva, Fr.* El concepto cultural alfonsí. Madrid, 1994.

- ⁶ Коротко и очень деликатно вклиниваясь в спор А.Кастро и С. Альборноса по вопросу о статусе *alfonsí*, тот же Маркес Вильянуэва отстаивает тезис о целенаправленном выборе Альфонсо кастильского как всеобщего языка трех народов для его культурных целей.
- ⁷ Подробно о рукописной истории хроник Альфонсо X см.: *Fernández-Ordoñez I.* Las “Estorias” de Alfonso el Sabio. Ediciones Istmo, 1992.
- ⁸ *Catalán D.* De Alfonso X al Conde de Barcelós: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal, Madrid: Gredos, 1962.
- ⁹ См.: *Diez de Revenga, F.J.* Literatura en las obras históricas de Alfonso X el Sabio // Mester. 1988. № 17 (2). С. 39–50.
- ¹⁰ Еще более развернутый вид рассказ о Геркулесе имеется во втором хроникальном компендиуме, в «Великой и всеобщей истории» (или «Всеобщей истории»), задача которой заключалась в том, что наиболее полно соотнести историю Испании с общемировой историей. Работа над ней в значительной мере остановила написание «Истории Испании».
- ¹¹ Перевод фрагмента о Геркулесе см. в: *Ершова И.В.* Из «Истории Испании» («Первой всеобщей хроники», 1272). О деяниях Геркулеса [Электронный ресурс] // Valla. Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. 2015. № 5 (1). С. 85–93. URL: <http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/14> (дата обращения: 13.02.2018).
- ¹² “e los dos hercules primeros cuydando que cada uno dellos serie aquel. pusieron se nombre assi. ca segund el language griego. fue tomado este nombre de dos partes de letras. de her e de cleos que quier dezir batallador onrado o alabado enfuerça y en lit” (PCG, cap. 4).
- ¹³ См.: *Пастушкова Н.А.* Традиция «Героид» Овидия и ее роль в формировании испанской сентиментальной повести XV в // Новый филологический вестник. 2009. № 3 (10). С. 42–49.
- ¹⁴ См.: *Полетаева Е.А.* «Книга о рыцаре Сифаре»: прообраз испанского рыцарского романа // Новый филологический вестник. 2011. № 4 (19). С. 49–61.